

В то же время господин Ли, выпрямив спину так, словно внутри у него была бамбуковая жердь, сидел перед своим новым учителем. Юань Яо нервничал: за прошедшую ночь он и сам уже понял, что его наставничеству Ли Инчунь не будет рад, но не мог просто развернуться теперь и уйти — ворота поместья Фэн оказались закрыты, — потому постарался быть к нему как можно более снисходительным. В детстве домашние наставники вымоченными в соленой воде палками били по рукам Юань Яо, когда он совершал ошибки, а в общей школе учитель вечно потрясал в его сторону костлявым кулаком, ласково глядя лишь в сторону Ли Инчуня — Юань Яо не знал ни одного мягкого учителя, которому мог бы подражать теперь.

Поняв это, он использовал единственное мягкое выражение, которое умел строить: лицо, с которым обращался обычно со служанками и молодыми барышнями. Терпящий крах в первый же день преподавания учитель Юань сказал:

— Это учитель взял на себя смелость подготовить несколько вопросов, чтобы проверить уровень твоих знаний. Ответь на них, как думаешь.

Услышав голос Юань Яо, Ли Инчунь бросил на него взгляд настолько холодный, что дурная кровь, принесшая в голову учителя мысль ласково говорить с ним, промерзла насквозь. Служанка рядом с господином Ли возмущенно фыркнула — точно набралась наглости у своего хозяина! Однако показать недовольства Юань Яо не смел, потому кашлянул и продолжил, представив, что как в старые времена просто общается с соучеником:

— Ты, конечно, можешь просто назвать мне несколько изречений, но я думал и каллиграфию посмотреть...

— Вздумал меня письму учить? — процедил Ли Инчунь, но взял лист, вглядываясь в вопросы. Тут же он почувствовал, как разболелась голова. — Вопрос написан с ошибкой.

— В самом деле? — непосредственно спросил Юань Яо. Он сидел по левую руку от господина Ли, потому прижался к нему, чтобы взглянуть на лист. — А, одной черты не хватает. Смысл-то все равно ясен.

Ли Инчунь пожалел, что у него нет при себе вымоченных в соленой воде палок, чтобы как следует научить этого «учителя». Глубоко вздохнув и погладив по шерсти Дами, который мирно спал на его коленях, Ли Инчунь взял кисть и принялся записывать ответ.

Руки господина Ли были тонкими и бледными: пусть на его щеках за проведенное в стенах поместья Фэн время появилось немного мяса, конечности оставались худыми, словно ветки облетевшего дерева. Запястья Ли Инчуня были очень слабы, а кисть подрагивала — когда Юань Яо опустил взгляд на написанное им, он, не сдержавшись, воскликнул:

— Ты пишешь, или обводишь рассыпанный рис?! Почему линии такие кривые?

Рука Ли Инчуня замерла, а сам он бросил на учителя короткий взгляд: тот тут же поспешил зажать себе рот рукой. И все же, удивление Юань Яо было слишком сильно: он помнил, как в школе учитель хвалил Ли Инчуня за легкий, уверенный почерк, которым в пору было расписывать таблички в императорском дворце — теперь же черты стали кривыми и неуверенными, а иероглифы испуганно жались друг другу. Такая каллиграфия подошла бы только для картины с зимней стужей, чтобы передать лютый мороз!

— Брат Инчунь, неужели ты совсем не писал с последней нашей встречи? — сокрушался Юань Яо. Привстав, он выглянул во внешнюю комнату, высматривая старого даоса, а не увидев никого, опустил обратно, доверительно склонившись к Ли Инчуню. — Брат, на самом деле

меня съедает любопытство, но я не решился спросить при господине Фэне и Его Высочестве. Зачем тебе понадобился учитель? Почему ты не сдал экзамен? Где ты был все эти годы?

Ли Инчунь отложил кисть и посмотрел на Юань Яо: в лице его не было злости, лишь раздражение и неудовольствие — но по мнению Юань Яо, это были обычные его выражения.

— Я тяжело заболел, потому не смог продолжить обучение, — после молчания ответил Ли Инчунь. — Волей случая я познакомился с господином Фэном, и, разглядев мои таланты, он от своего имени хочет продвинуть меня ко двору. Занятия с тобой нужны, чтобы я мог наверстать все, что пропустил в учении.

— Ну, все я не обещаю, я и сам тот еще ученик... — смущенно ответил Юань Яо и, не сдержавшись, Ли Инчунь дал ему затрещину:

— Так с чего ты пошел учителем к благородным семьям? Вздумал обманывать господ? А какие бы знания ты дал, будь на моем месте молодой господин?

— Не злись, не злись, я же не от дурного умысла! — склонив голову, затараторил Юань Яо. — Да и потом, дети же глупые, их учить просто...

— Вот бесстыдник! — возмутился господин Ли. — Учитель заливается слезами, глядя на тебя!

Ли Инчунь так раздражился, что тут же закашлялся: Дами на его коленях испуганно впился когтями в укрытые теплым одеялом колени юноши. Фэнцзи тут же приблизилась к господину Ли, помогая ему и мягко говоря:

— Господин, умерьте свой гнев, был бы смысл кричать из-за дураков. Лекарь Линь сказал, что вам нужен покой, позаботьтесь о себе...

Ли Инчунь махнул на нее рукой, хрипло сказав:

— Принеси воды.

Фэнцзи спешно ушла, а Юань Яо проводил ее взглядом и прищелкнул языком:

— Не пойму я, брат Ли, сочувствовать тебе, или завидовать: жизнь в болезни счастливой не назовешь, но ты завел знакомство с господином Фэном и Пятым принцем, а в услужение тебе дали такую симпатичную девушку...

— Я пусть и слаб, но придушить тебя сил хватит, а нет — ее попрошу, — мрачно пообещал Ли Инчунь, пытаясь восстановить дыхание.

Фэнцзи очень скоро принесла воду, чай и лекарство, которое господину Ли пришлось время принимать. Юань Яо сначала любопытно заглянул в плошку, но учуяв запах варева и увидев его консистенцию, брезгливо отпрянул, больше не смея дразнить Ли Инчуна. Пусть по мнению самого господина Ли он был учителем безалаберным и глупым, неприспособленным, увлекающимся и скверным, пригласить которого мог только господин Фэн. Однако объяснял Юань Яо не так плохо, как можно было от него ожидать, к тому же действительно кое-что знал. Он рассказал Ли Инчуню о прогремевших трудах и очерках за последние годы, коротко и емко пересказывая их, а после написал несколько изречений, которые в качестве тренировки господин Ли должен был переписывать.

Заканчивая, он объяснял:

— «Спать на хворосте и вкушать желчь» — так говорили о Гоу Цзяне, который, унижительно вымолив жизнь у собственного врага, несколько лет был низшим рабом, но ни на мгновение не забывал об обиде, и после жестоко отомстил обидчикам. Однако в последние годы так говорят и еще об одном человеке — наставнике Третьего принца, господине Минь Сянцзяне. Семья Минь почитаема и уважаема, они родственники наложницы Минь, матери Четвертой принцессы, однако наставник Минь рассорился с ними всеми, был изгнан из семейного дома и исключен из фамильного реестра. Он самый преданный подданный Третьего принца, и, говорят, после воцарения последнего жестоко покривается за свое унижение со всей семьей Минь.

— Император еще жив, чтобы обсуждать подобное, — строго напомнил Ли Инчунь, но тут же уточнил: — Неужели слухи пророчат титул предков Третьему принцу?

Юань Яо хохтнул:

— А кому, если не ему? Второй принц тих и сдержан, он не имеет ни достижений, ни заслуг; Пятый принц — бездельник и не нравится Императору; Шестой и Восьмой принцы мертвы, а Одиннадцатому еще нет двенадцати — вряд ли он окрепнет к началу сражения за престол. Третий принц имеет трудный характер и плохую репутацию среди простых людей, но одна треть чиновников подкуплена им, а вторая симпатизирует — что ему помешает? Кроме того, он порывист сам, но умеет выбирать умных людей себе в услужение.

— Кто же служит ему? — спросил Ли Инчунь.

— О наставнике Минь мы уже сказали, — принялся счастливо перечислять Юань Яо. — Кроме него стоит упомянуть старого господина Сюэ. Его дочь — жена Третьего принца, потому, если он воцарится, она станет Императрицей: конечно старик каждый раз брызжет слюной, соглашаясь с Третьим принцем. Есть в его ставке и молодые люди: например, Мин Цзе. У него нет богатого рода или опыта обучения, но он хитер и находчив, а на одном приеме рассмешил Императора: ему всего шестнадцать, но Его Величество разрешил ему раз в неделю посещать утренние заседания. Некоторые чиновники и за всю жизнь не добиваются такого позволения!

— Слава придворного шута — тоже мне милость, — фыркнула Фэнцзи. Когда Юань Яо посмотрел на нее, она гордо вскинула голову: — Зал заседаний — не театральные подмостки, потому смешить Императора там ни к чему. Звания и почести нужно выдавать за заслуги!

— Госпоже самой стоит сказать это Его Величеству, — с улыбкой ответил Юань Яо. Фэнцзи усмехнулась:

— Я всего лишь простая служанка: разве мне выпадет шанс сказать Императору хоть слово? Однако рано или поздно таланты будут вознаграждены, а притворщики — опозорены!

Юань Яо снисходительно покачал головой и вновь обернулся к Ли Инчуню, продолжая говорить:

— Стоит сказать еще вот еще о чем: все чаще в последние дни Сяоху Даня видят рядом с Третьим принцем. Открыто он своего расположения пока не выражал, но это кажется делом времени. Ну а где Сяоху Дань — там и остальные торговцы и купцы.

— Тебя послушать, так Третьему принцу уже теперь пора кланяться в пол, — спокойно сказал Ли Инчунь. Придвинув лист с изречением к себе, он принялся неторопливо выписывать его. — Если бы он был так силен, о борьбе никто бы теперь не говорил.

— Брат Инчунь наблюдателен, — рассмеялся Юань Яо. — Второй принц старше и кажется добродетельнее. Пока Третий принц скачет всюду, располагая к себе мелких людей и торговцев, Второй принц решает государственные дела и выглядит куда более достойным. Сторонники нынешнего Императора в будущем скорее всего поддержат его.

Фэнцзи согласно закивала головой: семья Фэн была давним сторонником Императора, потому негласно они относились к партии Второго принца, пусть открыто Фэн Жун никогда этого и не выражал. Юань Яо между тем продолжил:

— А есть ведь еще Пятый принц.

— А что с ним? — поднял взгляд Ли Инчунь.

Учитель Юань заулыбался, подсаживаясь ближе, словно собираясь сказать тайну. Фэнцзи тоже сделала шаг вперед и склонила голову: нефритовый жетон, весящий с правой стороны ее груди, лег Ли Инчуню на плечо.

— Верно говорят, что Император не любит Пятого принца — зато его обожает Первая принцесса. Ее мать на Центральных равнинах не имела влияния, зато Ее Высочество дружна со многими придворными чиновниками, в том числе с родственниками покойной Императрицы. Вы знали, что когда наложница Су умерла, именно Императрица заботилась о Первой принцессе, относясь к ней, как к родной дочери? Слуги во дворце, евнухи и министры — все до сих пор помнят это и, в случае чего, помогут Первой принцессе. Но даже если забыть о ней, — азартно шептал Юань Яо. — Пятый принц желает прослыть бездельником и балагуром — но огонь в бумагу не завернешь. На заседаниях ему достаточно сказать лишь слово, чтобы каждому, кто имеет глаза, стало понятно, что он обладает недюжинными способностями. Кто-то даже говорит, что он воплощение Гао-ди, прадеда нынешнего Императора, мудрого и скромного властителя.

— Ну об этом точно не стоит беспокоиться, — фыркнул Ли Инчунь.

— Не стоит также забывать и о семье его матери, — продолжил Юань Яо.

— Наложница Фэн была из нашей резиденции, — встревоженно сказала Фэнцзи.

— Именно так: нынешний молодой господин Фэн — хороший друг Пятого принца, а его двоюродная сестра жена Цзяннаньского хоу. Хоу сейчас невероятно почитаем во всей армии: пусть генералы подчиняются министерству войны, солдаты пойдут не за чиновниками, а за командирами, что приливали кровь рядом с ними. Понимаете теперь? Многие считают, что истинный противник Третьего принца — его Пятый брат, и сейчас тот выжидает хорошего момента.

— Но Его Высочество совсем не жаждет борьбы за трон, — растерянно сказала Фэнцзи. — Он изучает путь дао и говорил даже, что хочет стать монахом.

Ли Инчунь фыркнул, а Юань Яо улыбнулся горько:

— Разве есть разница, чего он хочет? Он член императорской семьи, а значит будет разменной монетой в чьей-то игре — или сам станет менялой. Пятый принц верно делает, что не высовывается: стоит ему оступиться хоть раз, и ни Император, ни братья не дадут ему подняться...

Комната погрузилась в гнетущую тишину: даже Дами замер, внимательным взглядом смотря

на людей, словно мог понять что-то. Фэнцзи в душе вдруг почувствовала тревогу: Пятый принц всегда казался ей бездельником, что постоянно лишь хотел подшутить над ее господином, однако со слов учителя Юаня выходило, что жить ему нелегко. Кроме того, если он окажется втянут в дворцовые игры, пострадает ли поместье Фэн?..

Господин Ли хлопнул девушку по плечу внешней стороной ладони, отстраняя от себя и смотря на нее сурово:

— Он наговорил тебе столько всякого — а ты и поверила? Это лишь рассказы людей, никто со стороны не узнает, как дела обстоят на самом деле. Может Третий принц завтра соберет жен и наложниц и уедет в Сычуань, подальше от трона, а наследницей давно объявлена Четвертая принцесса — кто может быть уверен, что нет?

Фэнцзи растерянно хлопнула глазами:

— Господин, вы... смеетесь надо мной? Я же волнуюсь за господина!

— Твой господин из тех людей, что на дне колодца найдет сто лян серебра и выплывет на драконьих карпах: на него тратить слезы — пустое.

— Вы!.. — возмутилась девушка. — Не говорите так!

Ли Инчунь отмахнул от нее: в глазах собственных слуг Фэн Жун отчего-то был важнее родного отца, со всей своей наивностью и бессмысленной добротой. Господин Ли раздражался от мыслей об этом, но не мог и спорить: все же, и его жизнь была подарком легкой руки господина Фэна.

Сам Фэн Жун, не чувствующий ни вины, ни смущения за свое поведение, после посещения лавки благовоний отправил даоса Чжунчу домой, а сам поспешил в Императорский дворец. По пути, словно цепкие лозы, его пытались удержать пустыми разговорами благородные господа, слуги и министры, но Фэн Жун умело уклонялся от всяческого общения, жажда услышать единственный голос.

Зимой в столице рано темнело: в этот час уже мрачный полог ранних сумерек опустился на желтые крыши Запретного города, темным цветом окрасил паутину дорог. В императорском саду становилось неуютно, примерно в это время Фэн Жун и Первая принцесса прощались и расходились, однако теперь господин Фэн только прибыл. Он боялся, что Ее Высочество уже ушла, и ему придется передать подарок через слуг, или вручить его позже — но еще издали в одном из павильонов он заметил теплый свет. Беседка оставалась открытой всем ветрам, окруженная голыми деревьями она была будто одинокая лодка в объятиях ошестинившегося шипами темного моря. От жаровен шел легкий дым и теплый пар, что заставлял словно газовую ткань трепетать холодный воздух, а внутри Фэн Жун увидел силуэт.

Первая принцесса сидела боком к дорожке, увлеченная чем-то на столе перед собой. Она была облачена в теплый плащ глубокого нефритового оттенка с высоким воротом, от которого по плечам девушки, словно павлиньи перья, расходились вышитые мелким бисером узоры. Волосы Первой принцессы были убраны в высокую прическу и прихвачены лишь несколькими бирюзовыми заколками с тонкими подвесками, покачивающимися в такт движению головы. Профиль Фу Айминь был мягким, но гордым, с царственно приподнятым подбородком и легкой, словно кайма рассвета, улыбкой.

Не сдержавшись, Фэн Жун издали позвал:

— Ваше Высочество! — и поспешил, срываясь с быстрого шага на бег, к беседке. Первая принцесса вздрогнула и повернула голову: на миг брови ее радостно вздернулись, но тут же она вернула лицу отрешенное выражение, что больше подходило ее положению.

Подав руку стоявшему рядом слуге, Фу Айминь поднялась и склонила голову:

— Господин Фэн, вы пришли.

— Молодой господин, не торопитесь... — тихо увещевал сзади Куань, пока Фэн Жун скорым шагом поднимался по ступенькам к беседке. Оказавшись рядом с Первой принцессой, с которой он был одного роста, господин Фэн поприветствовал ее.

— Ваше Высочество, — сбившимся голосом сказал Фэн Жун. — Вы еще тут — я рад, что успел.

Фу Айминь вскинула брови и окинула взглядом сад, будто только теперь обратила внимание на темнеющее небо. Она растерянно улыбнулась:

— Уже так поздно: я не заметила, как пролетело время... — Яо Хуэй за спиной госпожи опустил взгляд в пол: он лучше прочих знал, что госпожа за этот день едва не свернула шею, оглядываясь на каждую дорожку и прислушиваясь к каждому шелесту. Словно почувствовав его выражение, Фу Айминь поспешила указать на стол, отвлекая Фэн Жуна от предателя за ее спиной: — Мы в прошлый раз не закончили партию в го — я раздумывала над своим ходом.

Господин Фэн доверчиво перевел взгляд на доску: быстро осмотрел ее и вновь обратился к Первой принцессе:

— Ваше Высочество еще не решила? Вы заставляете меня думать, что я невероятно хорош.

Фу Айминь коротко рассмеялась и, протянув руку, неспешно положила на поле черный камешек. Партия, что до этого момента была равной, на глазах Фэн Жуна вдруг оказалась для него проигрышной. Он не мог поверить глазам:

— Как вы?.. Точно все камни расставлены так, как были? Не верю, что это возможно!

— Все стоит в точности, — кивнула Первая принцесса, не открывая взгляда от выражения искреннего потрясения на чужом лице. Фэн Жун нахмурился:

— Я делал записи, потому проверю.

— Неужели молодой господин хочет в чем-то меня обвинить? — спросила Первая принцесса.

— Вовсе нет! Однако не лишним будет удостовериться: вдруг слуги что-то напутали и перенесли партию неверно?

Фу Айминь вновь рассмеялась, прикрывая губы широким рукавом. Она опустилась на свое место и позволила сестре Фэн Жуну, взглянув на него. Юноша перед ней был столь же дерзок, как и послушен, столь же хитер, как и наивен. В императорском дворце такие люди жили недолго — но в стенах поместья Фэн словно дивный цветок этот человек смог вырасти и окрепнуть. Фу Айминь сказала:

— На самом деле, я тут не только из-за партии.

— В самом деле?

— Да, — кивнула девушка. Она не должна была говорить такого, если бы кто-то узнал, ее прозвали бы ветреной, но по просьбе принцессы каждый евнух и страж сегодня стали глухими и немymi. — На самом деле, я ждала, когда вы придете.

— Простите, Ваше Высочество, я задержался, — тут склонил голову Фэн Жун и с долей неловкости кивнул в сторону Куаня. Тот тут же достал из одежд продолговатую коробочку из красного дерева с искусной резьбой на крышке. Глаза Фу Айминь заинтересованно блеснули:

— Это?..

— Небольшой презент для вас, — твердо, но опустив глаза к доске для го, ответил Фэн Жун. — Вы любите птиц, но запах перьев вам не очень приятен, потому я взял на себя смелость купить несколько благовоний для Вашего Высочества. Они были выбраны на мой скромный вкус и ничего, если вам не понравятся.

Куань передал презент Яо Хэю, а тот поставил перед Первой принцессой. На миг она замерла, будто не решалась в самом деле прикоснуться к коробочке, однако после любопытно открыла крышку. Там на зеленом бархате лежали палочки благовоний, перевязанные зеленой лентой, а рядом — свежий цветок нарцисса. Подняв его кончиками пальцев, Фу Айминь удивленно взглянула на Фэн Жуна. Тот распахнул глаза.

— Это хозяйка лавки благовоний подложила! — воскликнул он. — Ваше Высочество, этот слуга бы не посмел!

— Ах, так это ошибка, — протянула Фу Айминь и изогнула бровь. — Мне сделать вид, что я никогда его не видела?

Фэн Жун прикусил губу и замер. Его руки сжали полы одежд, а лоб побледнел — но вот скулы были залиты нежным румянцем. Юноша выглядел смущенным, но упрямым и решительным. Он твердо сказал:

— Нет. Пусть... остается.

Маленький театр:

Фу Ичжэнь: Да уж, кто-то даже в чувствах сам признаться не может, позор.

Ли Инчунь: А ты бы как признался?

Фу Ичжэнь: Решительно и уверенно, с чувством собственного достоинства и превосходства!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1718810>